

В КФУ в рамках X Юбилейной международной научно-практической конференции «Россия-Китай: история и культура» была развернута дискуссионная площадка.

В новом начинании Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ в этот раз приняли участие специалисты в области китаеведения поистине экстра-класса – директор Центра «Комплексного китаеведения и региональных проектов» МГИМО МИД России, член Общественного Совета Минвостокразвития Алексей Воскресенский, заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН Артем Кобзев, директор Института восточных рукописей РАН Ирина Попова, а также сотрудники и студенты ИМОИиВ КФУ.

Начиная дискуссию, в своем выступлении Артем Кобзев, прежде всего, отметил, что, по его мнению, есть китаеведение и синология – эти два понятия по своей сути являются синонимами, при этом есть иная область знания под названием китаистика. Принципиальное их различие состоит в том, что если китаеведение – это классическая академическая наука, базирующаяся на древней китайской филологии, то для китаистики основой является во всех нюансах современный язык с его сиюминутностью. При этом первое направление традиционно представляют петербургские научные центры, а второе – московские.

В свое время, как отмечали спикеры, китаеведение создавалось представителями крайне специфичных сфер деятельности – разведчиками, духовными лицами и дипломатами. Это, безусловно, накладывало свой отпечаток на развитие отрасли научного знания. К тому же, как, безусловно, понятно, был оправдан интерес этих фигур к Китаю. Чем же сегодня привлекает эта область столь большое количество абитуриентов ежегодно, задались вопросом опытные китаисты, обратив его к студенческой части аудитории. Из зала прозвучали довольно похожие друг на друга ответы. Суть их сводилась к тому, что большинство людей

манит китайский как восточный язык, не имеющий ничего общего с западными языками, основой для которых выступает латынь. И действительно китайский язык, строящийся на совсем иных принципах, является своеобразным зазеркалем, целым миром, который не может не привлекать внимание. При этом, несмотря на то, что Китай, казалось бы, притягивает своей экзотичностью, в некоем очень глубоком смысле, он необычайно России близок, есть некоторая глубинная общность в российской и китайской культурах.

И в этом есть свой парадокс, неоднократно озвученный в рамках не только дискуссионной площадки, но и других мероприятий международного китаеведческого форума, – если с упомянутой выше точкой зрения согласно большинство ведущих российских китаистов, специалистов, признанных как на международной арене, так и в самом Китае, то представители китайской научной общественности и дипломатии так, напротив, не считают. По их мнению, у Китая и России не так много общего, хотя, безусловно, есть точки соприкосновения. К этой загадке еще предстоит найти ключ ученым, объяснив кто прав в большей степени. Пока же, как отметила Ирина Попова, возвращение российского китаеведения и в целом российского востоковедения в Казань к своим истокам – значимо для развития этой отрасли науки. Говоря упрощенно, восточный образ мысли, присущий татарстанцам, помогает лучше проникнуть в тайны китаеведения и легче понять все его нюансы.

Кроме того, это не может не радовать, поскольку сигнализирует о том, что сегодня отступает назад долгое время существовавшая на всем российском пространстве тенденция к односторонней ориентации на запад во всех областях, и в том числе в области науки. Однако и сегодня китаеведение является крайне персонифицированной наукой, что одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо, поскольку одна выдающаяся фигура может сделать очень многое, порой больше чем целый коллектив ученых – применительно к китаеведению это очень заметно. К примеру, колоссальный труд по созданию Большого китайско-русского

словаря в четырех томах выполнили по факту всего два человека – Василий Михайлович Алексеев и Илья Михалович Ошанин.

Однако такая тенденция говорит одновременно о том, что эта отрасль науки в России очень легко может исчезнуть, ведь специалистов крайне мало – их количество исчисляется лишь несколькими сотнями на всю страну. Поэтому государство должно поддерживать развитие китаеведения и китаистики, осознав всю степень важности их прогресса. Ведь сейчас в науку идут крайне мало молодых людей, изучающих китайский язык именно по причине отсутствия нормальных условий деятельности. Для сравнения в Москве специалист, окончивший бакалавриат и магистратуру, устроившись переводчиком в какую-либо организацию будет получать зарплату, начинающуюся от 50 тысяч рублей, а если он решит пойти в науку и займет должность младшего научного сотрудника, его заработная плата составит лишь 10-15 тысяч рублей. Не имея возможности содержать на такие средства семью и даже самого себя, и заинтересованный специалист вынужден отказываться от научной деятельности в пользу стандартной практической. Такая ситуация характерна, безусловно, не только для Москвы. Во многом поэтому в 70-80 годы прошлого столетия в том же Отделе Китая Института востоковедения РАН было 55 сотрудников, а сегодня их количество не достигает и 20.

Говоря же о значении китаеведения для государства и в целом необходимости внимания российского правительства к этой отрасли, помимо объективных причин, скрывающихся в области развития международных отношений во всем их многообразии, можно привести и совершенно конкретный практический пример из области бизнеса. Так, сегодня в столицах России распространена практика, когда китайские туристические группы водят китайские же гиды. Кем они сертифицированы и что они рассказывают гостям нашей страны – большой вопрос. И это, помимо потери средств, которые могли бы идти в госбюджет, означает ни много ни мало утрату культурного суверенитета России. Что, несомненно, отнюдь не является хорошей тенденцией.